

РЕФЛЕКСИВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ СУСУ¹

Введение

Задача настоящей работы — описание объектной рефлексивизации в сусу и обсуждение ряда смежных вопросов. Язык сусу, как и другие западные языки манде (см.: [Vydrine, Coulibaly 1994], [Выдрин 1999] для бамана²), допускает употребление в рефлексивном контексте личных местоимений, включая местоимение-прономинал 3 л. *a*. Местоимение *a* употребляется в рефлексивном контексте, в том числе в наиболее локальной синтаксической позиции прямого дополнения, как в (1). Предложения типа (1) неоднозначны, так как *a* может быть кореферентно подлежащему *n taara* ‘мой брат’, а может соотноситься с другим референтом:

- (1) *n taara_i bara a_{i,j} ma-xa*
1SG брат TMN 3SG PF-мыть
‘Мой старший сиблинг³ умылся / помыл его’.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №05–04–04149а и проекта РФФИ №05–06–80258а. Материал, представленный здесь без ссылок на источник, получен от информанта У. Камара, которому автор выражает свою самую глубокую благодарность. При исследовании использованы также опубликованные материалы по сусу: [Houis 1963], [Friedländer 1974], [Фофана 1992], [Touré 1994], [Виноградов, Фофана 1997].

² Ситуация в бамана сложнее, чем в сусу: помимо местоимения *à* и тяжелого рефлексива с *uèrè*, в 3 л. в бамана употребляется также легкий рефлексив *í*.

³ Далее просто «брат».

Проиллюстрируем и прономинальное употребление местоимения *a*: в (2) антецедент *a* не только не является подлежащим предложения, где присутствует это местоимение, но и вообще находится в другом предложении:

- (2) *m mi susa-ma kule_i yara*
 1SG NEG хватать.смелости-НАВ обезьяна перед
 ‘Я боюсь обезьяны’.
- a_i to bira n xuni_i, n naxa gbelegbele*
 3SG когда падать 1SG голова 1SG CONS кричать
 ‘Когда она упала мне на голову, я закричал’.

Считается, что способ выражения референциального тождества подлежащего и прямого дополнения, представленный в (1), является в языке сусу не только основным, но и единственным, ср.: «Для выражение рефлексива в сусу используется личное местоимение, соответствующее подлежащему» [Tourgé 1994: 270]. Однако выясняется, что употребления типа (1) ограничены некоторым классом глаголов. В позиции прямого дополнения других глаголов (3а), а также в другой синтаксической позиции (4а), необходимо употребление тяжелого рефлексива, состоящего из личного местоимения и интенсификатора *yete*, местоимение, не сопровождаемое интенсификатором, не допускает рефлексивной интерпретации (3b), (4b):

- (3) а. *n taara_i bara a yete_i faxa*
 1SG брат TMN 3SG сам убивать
 ‘Мой брат убил самого себя’.
- б. *#n taara_i bara a_{j,*i} faxa*
 1SG брат TMN 3SG убивать
 ‘Мой брат убил его / *себя’.
- (4) а. *n taara_i ra-fan a yete_i ma*
 1SG брат PF-быть хорошим 3SG сам к
 ‘Мой брат нравится самому себе’.

- b. #n taara_i ga-fan a_{j,*i} ma
1SG брат PF-быть.хорошим 3SG к
'Мой брат нравится ему / *себе'.

Такая ситуация нетривиальна в типологической перспективе: одно и то же средство используется для маркирования кореферентности в наиболее локальном и дистантных контекстах, тогда как «промежуточные» контексты требуют использования другого средства. Более того, использование одного и того же местоимения как рефлексива и как прономинала — и само по себе не самое частотное явление (но не исключительное — см. [Тестелец 2001: 479]).

Возникают также две проблемы «внутреннего» характера. Во-первых, требуется идентификация класса глаголов, допускающих в рефлексивном контексте личное местоимение. Во-вторых, интересны синтаксические свойства личного местоимения в рефлексивном контексте: естественно предположить более тесную связь глагола с таким местоимением, чем с обычным прямым дополнением.

1. Способы выражения рефлексивности

Прежде чем говорить более подробно об использовании личных местоимений в рефлексивной функции, необходимо остановиться на прочих способах выражения рефлексивной и близкой к рефлексивной семантики: оказывается, что рефлексивное употребление личных местоимений занимает довольно узкую нишу, которую составляют контексты, не входящие в сферу действия других средств.

1.1. Рефлексивный маркер *уεε*

Основным рефлексивным маркером является упоминавшееся выше *уεε*. Исходное и более распространенное употребление *уεε* — употребление в качестве **интенсификатора** (примером

интенсификатора может служить русская лексема *сам* и подобные ей — см. [Лютикова 2002: 15-92]). Как интенсификатор *уѐѐ* имеет спектр различных значений, которые сводятся к неожиданности для адресата упоминания соответствующего участника или его участия в ситуации. В (5) представлено ее «неожиданное» значение, а в (6) — «самостоятельное»:

- (5) mangɛ uɛɛɛ duti ma-xili-ne
вождь сам подать PF-звать-ASS
'Сам вождь собрал подать' [Touré 1994: 153].
- (6) a ni bɔɛɛ ɲin-ma a uɛɛɛ ga
3SG RTR соус варить-НАВ 3SG сам с
'Она варила соус сама'.

Как показано, в частности, в [Лютикова 2002], употребление интенсификатора в рефлексивном контексте типологически регулярно: референциальное тождество двух участников ситуации, как правило, нестандартно. Лексема *уѐѐ* вписывается в эту тенденцию и является основным способом выражения не обусловленной лексически рефлексивности. Она употребляется в позиции прямого (как и непрямого — ср. (4) рефлексивного дополнения глаголов, в обычном случае подразумевающих, что второй актант не тождествен первому:

- (7) n taara bara a uɛɛɛ to kige ma
1SG брат TMN 3SG сам видеть луна к
'Мой брат увидел себя в зеркале [=в луне]'.
(8) n taara bara a uɛɛɛ garin
1SG брат TMN 3SG сам ударять
'Мой брат ударил самого себя'.
(9) n taara mu a uɛɛɛ kolon-xi
1SG брат NEG 3SG сам знать-PFT
'Мой брат не узнал самого себя'.

В позиции прямого дополнения глаголов, обычно использующих в рефлексивном контексте личные местоимения, *yeŋe* также возможно, но подразумевает не нейтральный контекст, а эмфатический:

- (10) n taara bara a yeŋe ma-xa
1SG брат TMN 3SG сам PF-мыть
'Мой брат САМ помылся (а не помыл другого)'

1.2. Существительные со значением частей тела

Как периферийный способ выражения рефлексивности используются существительные со значением частей тела, имеющие низкую семантическую нагрузку, в контексте местоимения-посессора для ситуаций, в которых эти части тела непосредственно задействованы¹:

- (11) n taara_i bara a_i de-xabe bi
1SG брат TMN 3SG рот-волос брить
'Мой брат побрился [= побрил свою бороду]'
- (12) n taara_i bara a_i ya ga-findi m ma
1SG брат TMN 3SG глаз PF-становиться 1SG к
'Мой брат повернулся [= повернул свои глаза] ко мне'

Такой способ выражения рефлексивной семантики имеет нулевую степень грамматикализации и лексически обусловлен отдельными глаголами.

1.3. Лабильные глаголы

Декаузативные контексты, составляющие периферию семантической зоны рефлексивности, не имеют специального маркирования в силу того, что значительная часть глаголов в

¹ Интенсификатор *yeŋe* может быть результатом грамматикализации такого существительного, но на глубоком генетическом уровне: его корреляты, также имеющие функции интенсификатора и рефлексива, представлены, например, в бамана [Выдрин 1999] и в бобо [Prost 1983].

языке сусу лабильны — то есть имеют как переходные, так и непереходные употребления. В этом случае непереходные употребления имеют декаузативное значение, состоящее в устранении из ситуации агентивного участника:

- (13) a. n bara di уге bari
1SG TMN ребенок маленький рождать(ся)
'Я родила ребенка'.
b. di уге bara bari
ребенок маленький TMN рождать(ся)
'Ребенок родился'.

Декаузативное значение, выражаемое при помощи непереходного употребления лабильных глаголов, близко к рефлексивному, но ему не тождественно. Непереходное употребление лабильного глагола и его переходное употребление с рефлексивом в позиции дополнения ярко контрастируют друг с другом — ср. (14b) и (14c):

- (14) a. n taara bara bare бэпбэ
1SG брат TMN собака ударять(ся)
'Мой брат побил собаку'.
b. n taara bara бэпбэ гетε га
1SG брат TMN ударять(ся) камень с
'Мой брат ударился о камень'.
c. n taara bara а уεε бэпбэ
1SG брат TMN 3SG сам ударять(ся)
'Мой брат побил самого себя'.

1.4. Глаголы, имеющие каузативный префиксальный дериват

Близкая к описанной в 1.3 ситуация имеет место в тех случаях, когда глагольная лексема, не имеющая агентивного актанта, является исходной (15a), а агентивный участник вводится при помощи префикса *ra-* в каузативном употреблении (15b). От собственно рефлексивной семантики этот случай отстоит еще

далее: поскольку исходный агентивный участник отсутствует, вряд ли можно говорить о специальном выражении декаузативного значения. Контраст между использованием непереходного глагола и использованием его каузативного деривата с рефлексивом в объектной позиции (ср. (15a) и (15c)) в данном случае еще сильнее, чем в (14b-c):

- (15) а. *n taara bara tanga*
 1SG брат TMN спасаться
 ‘Мой брат спасся (ему повезло)’.
- б. *n taara bara n na-tanga*
 1SG брат TMN 1SG PF-спасаться
 ‘Мой брат спас меня’.
- с. *n taara bara a уете ra-tanga*
 1SG брат TMN 3SG сам PF-спасаться
 ‘Мой брат спас самого себя’.

2. Собственно-рефлексивные личные местоимения

Оговорим, что, хотя именно в силу использования местоимения 3 л. *a* в рефлексивном контексте рефлексивизация в сусу представляет особый интерес, мы говорим об использовании в качестве рефлексивного маркера всей серии личных местоимений. Существенно, что личные местоимения не 3 л., как и местоимение *a*, не могут использоваться в рефлексивном контексте в предложении с произвольным глаголом. Так, личное местоимение *n* ‘я’ допускается в (16), аналогичном (1) с точностью до замены 3 л. на 1 л., но в (17a), аналогичном (3a), необходим рефлексив *уете*. Поскольку личное местоимение 1 л. не может иметь прономинального прочтения, (17b), аналогичное (3b), неграмматично:

- (16) *n_i bara n_i ma-xa*
 1SG TMN 1SG PF-мыть
 ‘Я умылся’

- (17) а. n_i bara n уе ϵ_i faха
1SG TMN 1SG сам убивать
'Я убил самого себя'.
б. *n bara n faха
1SG TMN 1SG убивать

Класс глаголов, допускающих личное местоимение как рефлексивный маркер, можно определить как объединение классов контролируемых и экспериенциальных глаголов, «предрасположенных» к рефлексивизации, то есть «внутренне-ориентированных» предикатов с «низкой различимостью участников» (в смысле [Kemmer 1993]). Этот класс, таким образом, можно противопоставить классу «внешне-ориентированных» предикатов с «высокой различимостью участников», требующему использования в рефлексивном контексте тяжелого рефлексива, с одной стороны, и классу декаузативных предикатов, не требующих специального маркирования, — с другой. Существенно, что рассматриваемый нами класс глаголов разделяется на два принципиально разных, хотя и связанных друг с другом, подкласса. При одних глаголах личное местоимение используется как собственно-рефлексивный маркер, являющийся полноценным дополнением, тогда как при других — как ингерентный рефлексивный маркер глаголов, которые можно в соответствии с традицией называть *reflexiva tantum*. Оба подкласса глаголов, несомненно, закрытые и немногочисленные; в настоящей работе мы не претендуем на полноту списков, но констатируем, что соответствующие глагольные лексемы составляют весьма небольшую часть проверенной выборки предикатных значений.

В случае использования личного местоимения как собственно-рефлексивного маркера перед нами семантически относительно прозрачная рефлексивизация: несмотря на то, что ситуация является «внутренне-ориентированной», без затруднения можно выделить двух различных участников, референциально тождественных друг другу. Так, в исходном примере (1), безус-

ловно, подразумеваются различные роли у Агенса — «того, кто моет» — и у Пациенса — «того, кого моют», несмотря на то, что эти роли «выполняются» одним и тем же лицом. То же верно и в отношении (19)–(21):

- (19) n taara_i bara a_{i,j} ma-nəxə
 1SG брат TMN 3SG PF-пачкать
 ‘Мой брат испачкался / испачкал его’.
- (20) m bara n xaba
 1SG TMN 1SG резать
 ‘Я порезался’.
- (21) dime-e bara e nəxun
 ребенок-PL TMN 3PL прятать
 ‘Дети спрятались’ [Touge 1994: 270].

Собственно-рефлексивное личное местоимение, в отличие от ингерентного рефлексивного маркера, представляет собой полноценную именную группу. Это подтверждается следующими двумя фактами. Во-первых, соответствующий глагол свободно допускает и нерефлексивное прямое дополнение, ср. (22a), отличающееся от (1) тем, что в позиции прямого дополнения употреблена полная именная группа. Во-вторых, хотя такие конструкции и не частотны, собственно-рефлексивные личные местоимения могут сочиняться с полными именными группами, ср. (22b):

- (22) a. giŋe bara di uge ma-xa
 женщина TMN ребенок маленький PF-мыть
 ‘Женщина умыла ребенка’.
- b. giŋe_i bara a_i nun di uge ma-xa
 1SG TMN 3SG и ребенок маленький PF-мыть
 ‘Женщина умылась и умыла ребенка’.

В таблице 1 представлен список глагольных лексем, для которых мы зафиксировали использование собственно-рефлексивных личных местоимений в позиции прямого дополнения.

fulun	отвязывать
nəxun	прятать
xaba	резать
ma-xa	мыть
ma-findi	поворачивать
ma-nəxə	пачкать
ma-xəpə	ранить

3. Ингерентные личные местоимения

Прежде чем переходить к рассмотрению использования личных местоимений в качестве ингерентного рефлексивного маркера, мы дадим в 3.1 краткую характеристику другого типа ингерентных объектных местоимений языка сусу. Обсуждаемые в 3.2 ингерентные рефлексивные местоимения имеют с ингерентными объектными местоимениями очевидные общие свойства: в обоих случаях речь идет о личных местоимениях в позиции прямого дополнения, которое не может быть выражено произвольной именной группой. Но если ингерентный рефлексивный маркер предполагает «отсылку» к подлежащему, то нерефлексивный ингерентный объект «отсылает» к некоторой другой сущности.

3.1. Ингерентные объектные местоимения

Если пропозиция, семантически являющаяся пропозициональным актантом глагола речи или восприятия, синтаксически не подчинена этому глаголу, он имеет обязательное местоименное прямое дополнение 3 л. ед. ч. Заметим, что если подлежащее в предложении, содержащем такое местоимение, также 3 л. ед. ч., как в (23.1), то внешне это местоименное дополнение сходно с рефлексивным. Но если подлежащее имеет другую лично-числовую характеристику, как в (23.2), где подлежащим

является личное местоимение 2 л. ед. ч. *i*, то ингерентный объект также выражается местоимением 3 л. ед. ч. *a*:

- (23) 1. *a nga naха a fala a be: ...*
3SG мать CONS 3SG говорить 3SG для
'Его мать [это] сказала ему...'
2. *i tu a mexi, banbakuti na хиге ma?*
2SG NEG 3SG слышать крокодил COP река к
'Ты не [= это] слышал, в реке есть крокодил?' [Виноградов, Фофана 1997: 266]

Кажется интуитивно очевидным, что референциально ингерентный объект такого типа соотносится не с подлежащим (такое соотнесение, как мы показали, невозможно и формально), а с содержанием ментальной ситуации, выраженной соответствующей глагольной лексемой.

3.2. Ингерентные рефлексивные личные местоимения

Ингерентное рефлексивное личное местоимение обязательно в позиции прямого дополнения при определенных глагольных лексемах и выступает в качестве своеобразного маркера «медиального залога»:

- (24) *a na a ma-labu-fe yele kui*
3SG COP 3SG PF-отдыхать-PRG гамак в
'Он отдыхает в гамаке' [Howis 1963: 57].
- (25) *ali a gi-ne*
Али 3SG бежать-ASS
'Али убежал' [Фофана 1992: 125].
- (26) *a bara a i-kasan*
3SG TMN 3SG PF-переворачиваться
'Он опрокинулся' [Friedländer 1974: 56].

Отметим специально лично-числовое тождество ингерентного рефлексивного маркера и подлежащего. В (27), где подле-

жащим является эксклюзивное местоимение 1 л. мн.ч., в позиции прямого дополнения употреблено это же местоимение:

- (27) *muxu na muxu ma-naxun-fe*
 1PL.EXC COP 1PL.EXC PF-думать-PRG
tina wali nan ma
 завтра работа FOC к
 ‘Мы думаем о завтрашней работе’ [Touré 1994: 270].

Глаголы, требующие ингерентного рефлексивного маркера, по существу являются непереходными. Никакое другое прямое дополнение для таких глаголов не допускается, ср. (28a) с глаголом *reflexiva tantum jere* ‘идти’ и неграмматичное (28b)¹:

- (28) а. *n nu na n jere-fe fotonyi kui*
 1SG RTR COP 1SG идти-PRG лес в
 ‘Я шел по лесу...’
 б. **n nu na n taara jere-fe fotonyi kui*
 1SG RTR COP 1SG брат идти-PRG лес в

Список зафиксированных нами глаголов *reflexiva tantum*, требующих ингерентного рефлексивного лично-местоименного маркера в позиции прямого дополнения, но не допускающих в этой позиции никакой иной именной группы, представлен в таблице 2. Большую часть этого класса, как можно заметить, составляют глаголы движения и перемещения, но есть и другие — стивный контролируемый глагол *malabu* ‘отдыхать’ и ментальный глагол *taxaxun* ‘думать (о ком-л. / чем-л.)’².

¹ Логичной интерпретацией для (28b) могла бы быть интерпретация типа ‘Я вел / нес брата по лесу’: для глаголов движения *reflexiva tantum* естественно реконструировать происхождение из глагола каузации движения с объектным рефлексивным маркером, ср. русские возвратные глаголы типа *двигаться*, *нести*, *тащить* и т.п.

² На полное описание аналогичного закрытого класса в близкородственном сусу языке джалонке претендует [Lürke 2005: 247–270]. В джалонке порядка

Таблица 2

gi	бежать
xunti	направляться
peɣe	идти
i-kasan	переворачиваться
ma-peɣe	гулять
ma-labu	отдыхать
ma-naɣun	думать (о)

4. Возможная связь с глагольной префиксацией

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть зафиксированных глаголов с личными рефлексивными местоимениями, перечисленных в таблицах 1-2, имеют префикс *ma-*. Можно выдвинуть гипотезу, позволяющую частично объяснить заметное повышение доли *ma-*derivатов среди глаголов, допускающих лично-местоименные рефлексивные маркеры, по сравнению с их долей в целом в глагольной лексике¹. Заметим, что вхождение указанного префикса в состав глагольной словоформы не является ни необходимым условием для рефлексивной интерпретации личного местоимения — есть и непрефиксальные глаголы этого класса, — ни достаточным. Пример (29) иллюстрирует случай, когда местоимение *a*, будучи прямым дополнением *ma-*глагола, не может иметь рефлексивной интерпретации:

20 глаголов с ингеретными рефлексивными местоимениями, из них глаголов движения и перемещения – более 10.

¹ Оговоримся, что точной статистики глагольной лексики мы не производили, но, согласно глагольным словникам [Тоугэ 1994: 174-197, 203-206, 206-215, 215-231], доля *ma-*derivатов очевидно меньше, чем доля производных глагольных лексем, примерно равна доле *ga-*derivатов, и не более чем в три раза превосходит долю *i-*derivатов.

- (29) n taara_i bara a_{j,*i} ma-dundu
 1SG брат TMN 3SG PF-молчать
 ‘Мой брат успокоил его / *себя’.

В языке сусу, как и в близкородственных языках, три высокопродуктивных глагольных префикса — *ma-*, *ra-* и *i-*, — имеющих широкую и не вполне прозрачную семантику. Естественно предположить их этимологическую связь с послелогом *ma*, *ra* и *i* (имеющими, впрочем, тоновые отличия от префиксов), которые также широкоупотребительны. Указанные послелог / префиксы, по-видимому, восходят к локативным существительным; в [Bailleul 1986] соответствующие послелог *la* и *ma* языка бамана возводятся к существительным с общим значением типа ‘место’ / ‘поверхность’. Источником глагольных префиксов, по-видимому, являются не послелог, а непосредственно локативные существительные. Основание для такого утверждения дает характерный для семьи манде специфический порядок слов: прямое дополнение предшествует глаголу (или смысловой части аналитической глагольной формы), но послеложная группа за ним следует, а значит, поскольку источник префикса мог располагаться только левее глагольной словоформы, им не мог быть послелог.

Рассмотрим теперь посессивную рефлексивизацию в сусу. Основная часть посессивных конструкций образуются просто за счет препозиции именной группы, соответствующей посессору (30a-b), существительному, соответствующему обладаемому объекту. Личные местоимения, в том числе местоимение 3 л. *a*, свободно используются в рефлексивном контексте внутри посессивной конструкции (31):

(30) a. n	taara	b.	a	banxi
	1SG брат		3SG дом	
	‘мой брат’		‘его дом’	

- (31) a_i bara $a_{i,j}$ taara faха
 3SG TMN 3SG брат убивать
 ‘Он убил своего / его брата’.

Если локативное существительное, соответствующее в современном состоянии языка, глагольному префиксу, занимало позицию прямого дополнения глагола, то именная группа, ныне занимающая позицию прямого дополнения, за отсутствием других возможностей, должна была занимать позицию посессора этого дополнения. Тогда для предложения (32а) (воспроизводящего (1) можно предложить условно записанную реконструкцию (32b):

- (32) а. n taara_i bara a_i ma-ха]
 1SG брат TMN 3SG PF-мыть
 б. *n taara_i bara [a_i ma] ха
 1SG брат TMN 3SG «поверхность» мыть

Если гипотеза о переразложении верна, то рефлексивная интерпретация личного местоимения в позиции прямого дополнения префиксального глагола частично подкрепляется происхождением этого прямого дополнения: в посессивной конструкции рефлексивная интерпретация личного местоимения является стандартной. В основном употребление личного местоимения в качестве легкого рефлексива обусловлено, как мы показали выше, лексической семантикой «внутренне-ориентированного глагола»; заметим, что, несмотря на сходное происхождение всех трех глагольных префиксов, к употреблению с легким рефлексивом тяготеют лишь *та*-глаголы, для которых это употребление естественно семантически. Однако происхождение прямого дополнения из посессора внутри именной группы может быть сильным дополнительным к лексической семантике глагола средством поддержки устойчивости простого местоименного маркера перед экспансией интенсификатора в рефлексивной функции.

Заключение

Итак, материал сусу демонстрирует типологически нестандартный случай использования одного и того же местоимения одновременно как рефлексива и как прономинала, но так, что оно не является неограниченным, то есть в определенных контекстах не допускает кореферентности с подлежащим. Такая ситуация выглядит диахронически прозрачной: по-видимому, ранее имела место экспансия интенсификатора *yete* на кореферентные контексты, в наибольшей степени предрасположенные к употреблению тяжелого рефлексива, за счет чего неограниченное в прошлом местоимение неограниченным быть перестало. Потребуется, однако, серьезное диахроническое исследование для того, чтобы с уверенностью это утверждать.

Наблюдаемое в сусу использование в качестве легкого рефлексива всей серии личных местоимений, включая местоимение 3 л. ед. ч. типологически нехарактерно. Сфера употребления такого рефлексивного маркера, напротив, вполне предсказуема. Легкий рефлексив используется как прямое дополнение при «внутренне-ориентированных» предикатах с «низкой различимостью участников». Глаголы, использующие легкий рефлексив, лексикализуются и образуют небольшой закрытый класс; наиболее лексикализованная часть таких глаголов теряет способность к употреблению с произвольным прямым дополнением и использует легкий рефлексив как единственно возможный ингерентный объект. Текущее состояние изученности как языка сусу, так и в целом лексико-семантических закономерностей, влияющих на образование закрытых классов, не позволяет выделить единственный семантический признак, на основании которого можно было бы уверенно априорно отнести глагол к классу обычных переходных глаголов, использующих легкий рефлексив, либо к классу глаголов с ингерентным рефлексивным маркером. Очевидно, однако, что принадлежность к этим классам имеет не произвольный характер, а обусловлена лексическим значением глагола. Можно было бы ожидать расшире-

ния сферы употребления легкого рефлексива с собственно рефлексивных контекстов на декаузативные и/или пассивные, но этого не происходит — по-видимому, в силу того, что сусу располагает для этих контекстов развитыми специализированными средствами — лабильными глаголами и непроизводными декаузативными глаголами.

Возможным средством поддержки устойчивости личного местоимения в качестве объектного рефлексивного маркера при префиксальных глаголах с приставкой *та-* является происхождение прямого дополнения при таких глаголах из посессора внутри именной группы локативного существительного, грамматикализовавшегося в приставку.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 л.	PFT — перфект
ASS — ассертив	PL — мн.ч.
CONS — консекутив	PF — глагольный префикс
COP — глагольная связка	PRG — прогрессив
EXC — эксклюзив 1 л.	RTR — ретроспективный сдвиг
FOC — фокусная частица	SG — ед. ч.
HAB — хабитуалис-футурум	TMN — терминатив
NEG — отрицание	

Литература

Виноградов В.А., Фофана М.-С. Сказки и пословицы сосо // Язык африканского фольклора. Африканская сказка II. М., 1997.

Выдрин В.Ф. Рефлексив в бамана. // Типология и теория языка. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.

Лютикова Е.А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Фофана М.-С. Синтаксис простого предложения в языке аналитического типа (на материале языка сосо): Дис. ... к.ф.н. М., 1992.

Bailleul Ch. Sens originel des postpositions en Bambara // Mandenkan 11, 1986.

Friedländer M. Lehrbuch des Susu. Leipzig, 1974.

Рефлективизация в контексте прямого дополнения в сусу

Kemmer S. The middle voice. Amsterdam etc., 1993.

Lüpke F. A grammar of Jalonke argument structure. PhD Proefschrift. Nijmegen, 2005.

Houis M. Étude descriptive de la langue Susu. Dakar, 1963.

Prost A. Essai de description grammaticale du dialecte bobo de tansila Haute-Volta // Mandenkan 5, 1983.

Touré A. Éléments de description de la langue Soso. Thèse de doctorat. Grenoble, 1994.

Vydrine V., Coulibaly A. Verbes réfléchis Bambara. 1ère partie. Mandenkan 28, 1994.